

Иван Образцов

Родился в 1977 г. в г. Бийске Алтайского края.

Лауреат издания «Литературная Россия» за серию рассказов в 2017 г.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Герои социальных перемен – 2022» журнала Forbes Russia. Шорт-лист литературной премии «ГИПЕРТЕКСТ-2023» в номинации «Проза». Лонг-лист литературной премии им. В. Г. Короленко в номинации «Проза». Лонг-лист литературной премии им. Левитова (2023) в номинации «Проза».

Публиковался в журналах «Москва», «Новый мир», «Юность», «Север», «Невский проспект», «Ликбез», «Бийский Вестник», «Алтай», «Unzensiert», всероссийских изданиях «Литературная газета», «Свободная пресса», «Литературная Россия», «Русский пионер», «Литература» и др.

Член Союза писателей России; член Совета ОАКПО «Союз писателей России»; член московского клуба мастеров современной прозы «Литера-К». Живёт в г. Бийске.

Арбузные блохи

Внутри арбуза номер три жила цивилизация арбузных блохов.

Жили арбузные блохи и не тужили.

Жили уже много поколений и никаких особенных исторических вех не переживали.

В общем, жили ровно.

Питались арбузной мякотью, но особенным деликатесом считались белые полоски на арбузе.

Конечно, кому-то доставались в основном чёрные полоски, но так было всегда, и считалось, что такова воля богов.

Помимо божественной воли у арбузных блохов существовал ритуал «Познание истинного вкуса жизни».

Каждый год вся арбузная цивилизация собиралась во круг центра, и все шли по кругу эдаким блоховым хоро-водиком.

Задача каждого блоха заключалось в том, чтобы грызнуть арбузную косточку, сплюнуть и сказать: «Фу, какая гадость!»

Косточки и вправду были горькими на вкус, но вот отче-го именно таков вкус жизни – этого никто не знал, а спра-шивать про то считалось неприличным.

После ритуала все расходились по домам и продолжали жить своей обычной блоховой жизнью.

И вот во время проведения очередного ежегодного «Познания истинного вкуса жизни» один уже немолодой блох огорошил сограждан.

Этого блоха все немного побаивались и обычно сторо-нились, так как он всегда вёл себя странно, имел чуждые здравому смыслу суждения и вообще был немного юро-дивым.

Однажды он заявил окружающим, что их арбуз лишь один из многих арбузов, раскиданных по необъятным просторам чёрного благополучия.

Блоха подняли на смех, а кто-то из толпы крикнул: «Блаженный, какое благополучие, когда вкус жизни горек?»

С тех пор блоха так и звали – Блаженный.

И вот во время ежегодного горького ритуала Блаженный вознёс руколапы кверху и возопил:

– Я узнал истинную волю богов. Надо грызть вверх, ибо там мы найдём новые миры! Там откроется бескрайняя широта чёрного благополучия, освящённая сиянием жизни! Там мы увидим другие миры и найдём братьев по разуму!

Все засмеялись, ведь Блаженный опять нафантазировал такую бессмыслицу, что просто умора!

– Кто со мной? Кто готов грызть и узнавать новое? – строго спросил Блаженный.

Само собой, что дураков не было, хотя...

Хотя двое средних блохов остались после завершения ежегодного ритуала и подошли к Блаженному, глядя на него с интересом и ожидая реакции.

Один блох и вправду был полный дурак, но отличался крепостью и силой в мускулистом блохином тельце.

Второй дураком не был, а остался из хитрого умысла: ведь вдруг Блаженный прав, тогда это всё меняет, это может даже сулить кое-какие выгоды.

– Что надо делать? – хором спросили средние блохи возрастного Блаженного.

– Неужели вы настолько глупы или глухи, что не поняли? – удивился Блаженный. – Конечно же, надо грызть! По-моему, я выразился достаточно ясно и без прикрас.

Сказано – сделано, начали вгрызаться в арбузную мякоть.

Мимо проходили редкие прохожие, и некоторые останавливались, чтобы поглазеть на троицу грызунов.

Искатели истинного знания о мире всё больше углублялись в арбузную сущность. Вот уже и прохожих стало не видно, да и вообще свет мерк и становилось темно и страшно. Но никто не сдавался.

– Вкус становится твёрже, – заметил Блаженный. – Мы на верном пути.

И вдруг пространство развалилось на две половины, и в мордастых искателей истины ударил со всей дури мощный световой поток.

Оглушение длилось только миг, а после вся троица с радостным томлением в груди вылезла на новую поверхность мира.

– Это и есть моё прозрение, – Блаженный повёл гордым взглядом вокруг.

– Круто, – изумился блох-дурак.

– Нормальный ход прорыли, – подсчитывал в уме выгоды от предприятия хитрый блох.

А вокруг, насколько хватало видимости, простиралось бескрайнее чёрное бугристое пространство, по которому разбросались полосатые шары миров.

На поверхности одного такого шара стояли сейчас и новоприбывшие в широту простора блохи.

– Невероятно, это ж с ума сойти какое однообразие! – воскликнул с грустью хитрый и добавил: – Всё это по виду одна мука и чёрные полоски арбузов, и никакого для нас благополучия не предусмотрено.

– Ты не гони волну-то, здесь ещё науку всю усвоить необходимо, а потом и прозревать сущность бытия. – Блаженному не понравилось толкование хитрого.

– А я её, сущность эту, вот сейчас и прозрел, а внутри теперь светло от нестерпимой и горькой ясности.

– Слышь, – сказал Блаженный, – я не понял, кажется, мудрец здесь я?

– А я Просветлённый, мы же теперь натурально как боги для тех, внизу которые сидят.

Мысль о собственной божественности всем пришлось по вкусу, но вот по поводу наименований новых себя возникали различные мнения.

– Тебя же всегда ненормальным считали, – тыкал в Блаженного хитрый. – А мне как жить теперь, кем, по-твоему, мне теперь называться?

– Да кем хочешь, только мудрецом никак невозможно.

– Это почему вдруг? Ты, что ли, так решил?

– Так жизнь решила, и вообще, это я вас сюда привёл, и, значит, нечего спорить.

– А я истину прозрел про наше открытие.

– Ты когда ещё блохёнком был, я уже блоховался по-взрослому, так что про истину не особо задвигай-то нам.

– По-взрослому блоховался, и чего с того, облохиться любой блох может, а тебе и блохиня твоя родная не поверила, когда грызть предлагал наверх.

– Зато сейчас мне блохобожественное достоинство пришло так же, как и всем, а то может, и побольше по возрасту лет будет.

– Да у меня такое же божественное достоинство, я так же грыз арбуз с вами обоими наравне и на поверхности новой так же сейчас устойчиво налажен.

– А я сильный и сейчас всем накостиляю, и вообще корку арбузную я погрыз до дыры в пространстве, – неожиданно заявил блох-дурак.

Пособачившись ещё с полчаса, компания новоиспечённых арбузно-блоховых богов договорилась.

Теперь решили, что будут они зваться Блаженный (старик оказался на редкость непрогрессивен), Просветлённый (хитрец решил, что так намного шире возможности),

Воинственный (сильному блоху разве много надо, он всё равно придурок, и какая ему разница, лишь бы круто звучало).

Блаженный сел на задние лапы и огляделся. Стало ясно, что вокруг стоит непривычный свет и жаркая влажность. Возрастной ум Блаженного трудно загрустил обо всём новом и неизведанном.

– Что-то мне нехорошо, – пробормотал Блаженный и, лёгши на бок, скончался от невыносимой тяжести бытия.

Делать нечего, пришлось оставить Блаженного на шарообразной поверхности арбузного мира.

Уложили его возле вскрытого крепкими грызами прохода, чтобы осталось слабое тельце рядом с рассечённой сильным духом плотью арбузовой тверди.

– Кому твердь, а кому третье небо, – рассудили торжественно между собой, поняв истинный смысл названия их арбузного мира, и стали спускаться на чёрную бугристую поверхность видимого, но пока ещё неведомого благополучия.

– А кто сказал, что там благополучие? – Воинственный проговорил это так же неожиданно, как раньше обещал всем накостылять.

– Блаженный сказал. Но моё рассуждение такое: может, оно и благополучие, но надо ещё разобраться для кого. Может, оно только для шарообразности миров такое, а нам, по нашей блохиной божественности, может, совсем и без надобности окажется.

Но спускаться не прекратили, ведь любопытно познать бугристость и черноту собственными блохиными поверхностями тела.

Бугры оказались слишком большими и при ближайшем наблюдении совсем к блаженству и благополучию не располагали.

И вообще, внизу стало ясно как божий день, что путь до следующего шарообразного мира предстоит трудный и тернистый.

– Эх, где наша не пропадала. Пошли, раз уж спустились, не подниматься же обратно.

Идти пришлось замысловатым путём, огибая бугры по витиеватой траектории.

– Это такой замысел, – Просветлённый смахнул чёрную пыль с морды лица.

– Угу, – Воинственный шёл молча и только сопел в две носопырки, иногда сморкаясь на поверхность пути.

– Смотри не смотри, а мир всё-таки никак не пронять своим смотрением, – бормотал по ходу дела Просветлённый, – здесь никакого лешего не пробраться до сердцевины замысла, а то бы все давно ту сердцевину-то расхитили б, и ничего не смогло бы стоять так надёжно, как вона оно стоит-то.

– Оно-то, может, и стоит, только мы вот идём, утруждаемся путём, – Воинственный протёр залитое потом усилий зрение.

Стало душно. Идти двоице божественных блохов приходилось с упрямым настоянием, преодолевая густость духоты, раздвигая шагами неведомость пустого пространства.

Шарообразный мир приближался неторопливо, важно качаясь впереди растущей полосатостью и могучим охватом.

Гууурх... – гудящее могущество продавило слух путников, и они настороженно встали.

Шшшитц! – впереди ударило в ещё неприкосновенную блохобогами часть пути, и чёрный бугор разлетелся вдребезги.

– Что это? – Просветлённый замер перед величием увиденного разрушения.

– Бугор лопнул.

– Это я вижу. Только лопнул он с какой стати?

– Так, видно, время его пришло.

Две тучные капли падали с неба, но блохобог о них не знали. Просто стало меньше света и подул прохладный воздух.

Первая капля сразила Просветлённого.

– Кху, – только и смог выдохнуть он, и тельце придавило неведомой силой к чёрной поверхности.

– Ты это, ты чего? – и тут вторая капля ударила в толоконный лоб Воинственного.

Воинственный сел оглушённый, но в сознании. Тельце покрылось влагой и охлаждением. Он встряхнулся верхней частью тельца и неуверенно встал.

Просветлённый лежал в распластанном состоянии и недвижно смотрел куда-то вверх.

Воинственный поднял туда взгляд, но разглядел лишь мглистую кучность, которая темнела и приближалась к черноте состояния. Кучность клубилась молча и угрюмо. Внезапно центральная часть кучного верха разорвалась ярким тонким прорезом.

Гхуурх... – донеслось до слуха Воинственного, и он уважительно кивнул на эту могучую глухоту неизвестного голоса.

Воинственный взял податливое и тихое тельце Просветлённого и прислонил к ближайшему чёрному бугру.

Вышло очень спокойно и хорошо, словно путник присел отдохнуть и сейчас смотрит куда-то перед собой, видя невидимые бездны окружающего пространства.

Воинственный понял, что есть и другие, кто выгрыз проход куда-то туда, вверх, и теперь сидит там и рассекает чернеющую кучность яркими линиями, а ещё говорит на непонятном, но грозном языке.

«Гууу», – попробовал губами Воинственный и понял слабость своего выдоха.

Он опять уважительно посмотрел наверх и рассудил: «Это они там гудят от могучести своей, а нам падают их дары».

Только Воинственный понял, что дары эти настолько тяжкие, что нельзя их взять и просто освоить.

Так, рассуждая, Воинственный задремал, а когда морок дремоты ослаб, то вокруг опять стояла ясность и тишина.

Просветлённый сидел и видел суть полученных сверху даров, но уже никак не произносил их тайны, молчал крепко и невозмутимо.

А Воинственному оставался путь по поверхности, и он подал сигнал мускулистому тельцу, продолжая движение к новому шарообразному миру.

После отдыха идти стало легко и свободно.

Воинственный приободрился от вернувшейся ясности и, не оборачиваясь на умиротворённое с тайнами тельце Просветлённого, пошёл к возрастающему впереди шару нового мира.

Он теперь знал свою простую цель, и движение приобрело глубочайший смысл.

«Там, – ободрялся найденной целью Воинственный, – буду просто грызть, и каждый шар получит свой проход наружу».

Он не смущался ничем. Глядя на далёкую перспективу, Воинственный только прикидывал, насколько у него хватит упорной силы.

Шарообразные полосатые миры казались бескрайними, но тем было и лучше.

«В конце концов, – планировал богоблох, – выйдут в мой проход и другие, а там и пойдёт дело».

Утро народа арбузных блохов седьмого арбуза началось традиционно, но неожиданно небеса разверзлись, и оттуда прозвучал громкий возглас: «Эй, есть кто живой?»

«Что? Что это?» – народ блохов арбуза номер семь говорил на своём блоховском языке и ничего не понимал из голоса сверху.

И тут вперёд вышел осанистый и уважаемый блох. Этот блох заведовал традиционным ритуалом «Круговая бесконечность».

– Братья и сёстры, этот голос сверху, он говорит: «Дети мои, вы всё правильно делаете!»

Весь народ традиционно обрушился на колени, и толпа в исступлении завопила «Да-а-а!»

А сверху на них глядел ничего не понимающий Воинственный блох и рассуждал: «Ну вот и хорошо, сейчас им кусок корки брошу, чтобы поняли о твёрдости прохода».

Он отгрыз от белой полоски арбуза значительный и толстый кусок. Кусок полетел вниз и шмякнулся на периферии толпы.

Мелкий блохёнок подбежал и, потрогав свалившийся сверху огрызок, с детским восторгом засмеялся: «А наверх всем можно, это вот люк такой открылся».

К нему подбежали взрослые блохиные представители и строго обратили на блохёнка упрямые взоры.

Подошёл заведующий традиционным ритуалом «Круговая бесконечность».

– Ты это чего тут удумал, изверг царя неведомого, нука, дай сюда! – и блохёнка оттеснили от значительного и толстого куска.

Осанистый развернулся к вопрошающим народным взглядам, похмурился для значительности и чтобы всем стала понятна важность дела.

– Это, – он пожевал часть куска, – это вам не хухры-мухры, это вам оно самое.

Толпа сжалась от невыразимой глубины таких мыслей, ибо никто не силился их постичь, а заведующий традиционно ограждал от опасных глубин.

– О как! – народ чуял таинственную непостижимость слов.

Почёт и уважение нахохлили осанистого заведующего. Он дал знак, и несколько взрослых блохиных представителей, подхватив кусок, убрали его от глаз неготовых масс.

Блохёнок глупо улыбался и трогал рядом стоящих ближайших представителей народа блохов за рукава.

– Блаженненький, – улыбались блохёнку в ответ добродушные блохины.

Идя по чёрному благополучию, Воинственный радовался трудности пути. Он понимал силу, живущую в теле, и её – силы этой – истекание.

Импульсы движения проходили ритмичным потоком шагов через тельце и проистекали в чёрную поверхность благополучия, в поток времени, в поток смотрения вперёд. Он понял, что смотрение – это тоже поток, бескрайний во все стороны.

Воинственный почувствовал, но никак не находил подходящих мыслей, чтобы выразить всю полноту благополучия и печальной радости. Он шёл к новому шарообразному миру.